

Тело Цинь Шо горело как в лихорадке, но сознание застыло, скованное неведомой силой. Сквозь глухой, качающийся туман доносился чей-то зов, и в этом полусабытьи он уже не мог отличить явь от наваждения.

— Старший брат...

Чьи-то пальцы бережно смахнули с его лба горячие капли пота. Цинь Шо никак не мог открыть глаза, но шепот не умолкал, а мир вокруг продолжал мерно покачиваться.

— Как же я скучаю...

Он чувствовал себя утлой лодкой посреди бушующего моря: волны вздымались, увлекая его за собой, и как он ни пытался за что-то уцепиться, пальцы хватили лишь пустоту. Горло пересохло, лишая возможности издать хоть звук. Цинь Шо рванулся, но запястья оказались крепко зажаты. Чужое горячее дыхание коснулось уха, и этот тихий, настойчивый шепот — «старший брат, старший брат» — отзывался щемящим трепетом в груди.

Внезапная вспышка боли отозвалась резким толчком, и это осязаемое мучение внезапно слилось с образами, восстающими из самых глубин памяти.

— Я правда... очень по тебе тоскую...

На ветру едва слышно перезванивали колокольчики, раскачиваясь под крышей длинной галереи. На берегу пруда, усыпанного цветущими лотосами, догорали лучи заходящего солнца. В колеблющейся воде дрожали отражения двух силуэтов. От них тянуло хмелем; одежды были растрепаны, а сами образы то расплывались, то вновь обретали резкость.

Цинь Шо не понимал, проживает ли он этот миг наяву или лишь безучастно наблюдает за чужим сном. Преодолея слабость, он приоткрыл веки, но сквозь узкую щелку разглядел лишь мерно покачивающиеся в вышине колокольчики. Их перезвон плыл над галереей — чистый, отрешенный, пришедший словно из глухой древности. Словно предостережение из прошлого, которое он никак не мог вспомнить.

Лотосы плавно качались на воде, пуская по засыпающему пруду мелкую рябь. На мгновение застывшие блики заходящего солнца вдруг рассыпались золотыми искрами — из глубины, нарушив покой сонной глади, выпрыгнула рыба. Вода сомкнулась над ней, оставив после себя лишь бесконечные, медленно расходящиеся круги...

Видение начало блекнуть, уступая место темноте, пока вновь не раздался звон колокольчика. Сумерки сгущались, забирая с собой остатки хмельного дурмана. Вдоль галереи разлилось безмолвие, в котором одиноко застыл чей-то силуэт, так и не пожелавший обернуться.

В какой-то момент сознание Цинь Шо окончательно растворилось в воспоминании. Теперь он

видел происходящее собственными глазами. Младший брат обнял его со спины — отчаянно, до боли сжав руки, и прошептал с робкой, почти умоляющей надеждой:

— Старший брат, забудь о Сун Ваньчэне, прошу тебя...

Бай Юй уткнулся лбом в его лопатки. Лица юноши не было видно, но в его голосе дрожало страстное предвкушение:

— Я забуду все прежние обиды... Я тоже могу любить тебя, заботиться о тебе. Его больше нет, он никогда не вернется! Слышишь? Здесь остались только ты и я...

Прошло немало времени, прежде чем Цинь Шо услышал собственный тихий ответ:

— Юй-эр... Нет, теперь мне следует звать тебя младшим братом Баем. Я больше не прикаснусь к вину. Все, что случилось между нами... лишь нелепая случайность. Выброси это из головы.

Он увидел, как его собственное воплощение, опираясь на меч, медленно поднимается на ноги. Повернувшись лицом к угасающей заре, он безучастно проронил:

— Какая разница — десять лет или вечность? Мне все равно придется ждать.

Шаги удалялись, и вслед им вновь отозвался тоскливый звон колокольчиков, унося с собой слова, которым суждено было еще не раз эхом отозваться в душе:

— И то, что произошло на дне ущелья, младший брат... тоже забудь. Навсегда.

Колокольчики затихли. Последние багровые отсветы заката еще долго скользили по зеленому одеянию юноши, застывшего у края галереи каменным изваянием.

Солнце скрылось за горизонтом, уступив место ночной прохладе. По поверхности пруда пробежала легкая зыбь, дробя серебряные блики луны и размывая черты лица, отразившегося в темной воде.

— Старший брат...

Бай Юй стоял у самой кромки пруда, глядя на одинокий бутон.

— Тебе ведь не привыкать оставлять меня позади, верно? — Он наклонился и бережно, раз за разом, принялся поглаживать нежные лепестки, шепча: — А ведь я так дорожу тобой...

В следующее мгновение он безжалостно сорвал лепесток. В его ладони вспыхнуло духовное

пламя, мгновенно обратив его в серый пепел.

— Зачем же ты вынуждаешь меня идти на крайности?

Едва пепел коснулся воды, как яростный огонь прожѐг ночную тьму. В ушах пронзительно зазвенело, плотная пелена тумана разорвалась в клочья, и Цинь Шо, резко вздрогнув, очнулся. Он с трудом разомкнул отяжелевшие веки.

Вокруг не было ни залитой солнцем галереи, ни той пещеры, где его настигло забытие. Он лежал в зловещем подземном гроте. Повсюду на стенах горели факелы, но их багровый свет не согревал — от сырого сквозняка по спине пробежал ледяной озноб.

— У-ух...

Цинь Шо глухо застонал и мотнул головой, пытаясь прогнать остатки дурмана. Во всем теле разлилась тупая, изнуряющая боль. Когда зрение наконец прояснилось, он обнаружил, что его руки и ноги намертво прикованы тяжелыми цепями к валуну.

Промокшие от пота одежды липли к телу, влажные пряди растрепавшихся волос облепили лицо. Из-за надетых на запястья Браслетов, Сковывающих Бессмертных, духовная энергия в меридианах замерла, а дантянь казался опустошенным. Понять, что происходит вокруг, не представлялось возможным.

Пока он лихорадочно искал выход из положения, сзади донесся тихий шорох — словно кто-то задел мелкую гальку.

Цинь Шо обернулся и опешил: в подземелье он находился не один. Рядом томились еще несколько учеников, проходивших испытание. Большинство из них все еще блуждали в лабиринтах собственных снов. Загадочный шорох исходил из-за огромного валуна у правой стены, но рассмотреть шевелившегося мешал нависающий каменный выступ.

Цинь Шо вспомнил удушливый туман, лишивший их чувств перед самым падением. Очевидно, его спутника, Цзинь Вэйли, постигла та же участь.

Но кто из обитателей Леса Безумных Зверей способен насыщать морок подобной силы на заклинателей?

Ответ напрашивался сам собой. Это мог быть лишь предводитель демонов-змей, которого они должны были выследить на первом этапе испытания — Линъю.

«Неужели дно ущелья — это самое близкое место к глубокой заводи?»

Полной уверенности не было. Сейчас, скованный тяжелыми цепями, Цинь Шо ничем не мог себе помочь. Для начала следовало отыскать Цзинь Вэйли.

В гроте царила мертвая тишина, нарушаемая лишь редким, отчетливым падением капель воды на камни. Опасаясь привлечь внимание похитителей, Цинь Шо осторожно огляделся. Юного наследника клана Цзинь поблизости не оказалось. Оставалось лишь надеяться, что подавший голос пленник за валуном справа — это он.

— Младший брат Цзинь? — негромко позвал Цинь Шо.

Из-за валуна донеслось шуршание одежды — тот человек тоже пришел в себя.

Но стоило Цинь Шо набрать в грудь воздуха, чтобы продолжить расспросы, как из тени показалось лицо его давнего сотоварища, Фэн Си.

— Старший брат?

Фэн Си так изумился, что на мгновение застыл. Ему повезло больше: путы сковывали лишь лодыжки, поэтому он мог свободно шевелить руками и подаваться вперед.

— Ты-то как здесь оказался? Разве ты не должен был упасть в...

Он резко осекся, словно сболтнул лишнее, и поспешно переменял тему:

— Да и какая теперь разница. Во всем виноват этот выскочка из Дворца Небесного Начала по фамилии Мо! Полез на рожон, потащил всех через пещеры... Сам-то со своими прихвостнями успел проскочить, а нас подставил под удар! Теперь мы тут как крысы в мышеловке...

Смешанные чувства овладели Цинь Шо. Стоило ли радоваться встрече с соучеником? Он прекрасно помнил чужие голоса в своей голове и знал, что Фэн Си заодно с загадочными «исполнителями миссий». Однако в их нынешнем положении затевать ссору равнялось самоубийству. Придется наступить на горло собственной неприязни и разыграть перед ним старую добрую комедию под названием «братская преданность». Общие интересы требовали этого.

— Кто бы мог подумать, что все так обернется... Рад, что ты цел, младший брат Фэн, — сокрушенно вздохнул Цинь Шо, стараясь придать голосу как можно больше искренности. — Признаться, я уже приготовился к худшему. Думал, сгину в этом мраке в полном одиночестве. Но теперь, когда мы вместе, у нас есть надежда. Мы обязаны выбраться отсюда живыми.

Фэн Си опешил. Тот, кто никогда не упускал случая уколоть или зло высмеять других, вдруг растерялся и даже заикнулся:

— Да с чего ты... К чему эти нежности? Что на тебя нашло?

— Да, между нами бывали размолвки, — горько усмехнулся Цинь Шо. — Но мы ведь бок о бок с самого первого дня в ордене. Двести лет вместе — дольше, чем с кем бы то ни было. Я могу сомневаться в ком угодно в этом мире, Фэн Си, но только не в тебе.

Фэн Си поспешно укрылся за каменным выступом, словно у него не хватало духу смотреть Цинь Шо в глаза. Его приглушенный голос прозвучал на редкость глухо:

— Двести лет... Какое это теперь имеет значение? То, что было прежде, и то, что есть сейчас — совершенно разные вещи. Нельзя мешать все в одну кучу.

— Младший брат Фэн, ответь мне лишь на один вопрос.

В душе Цинь Шо крепло смутное подозрение, и он намеревался расставить все точки над «и» прямо сейчас.

— Спрашивай, — буркнул тот.

— Пускай моя память стерта, пускай я позабыл многие вещи, но в глубине души я остался все тем же Цинь Шо, каким был два века назад. — Глаза старшего брата лихорадочно блестели в отсветах факелов. Он вперил пристальный взгляд в каменный выступ, за которым прятался собеседник, и медленно, отчетливо произнес: — А ты, Фэн Си... остался ли прежним ты?

<http://bllate.org/book/20094/1998492>